

М.Кырчумару

ПРОБЛЕМЫ КАРПАТСКОГО МУСТЬЕ В РУМЫНИИ

M. Cărciumaru. Problems of the Carpathian Mousterian in Romania

Mousterian sites wide spread in Romania tell of a large variety of cultural groups. One can say now that they were formed both on basis of the local Palaeolithic traditions and as result of contacts between big societies of Mousterian epoch, widely represented on other European territories. It was, probably, a consequence of mobility of the people of that epoch and an active search for the best technology that would enable the man to adapt to the various environmental conditions. One can expect that the technical diversity of the Romanian Mousterian is connected with a bulk of various factors typical for this or another microzone, and distinguished by peculiarities of climatic and/or local resources.

At present, given technical and typological peculiarity of tools (ratio of flakes, blades and bifacials), chronology and nature of the material used, part of Mousterian sites in Romania, in particular, upper assemblages of the Carpathian grottoes Curata, Bordul Mare, Gura Cheii, Spurcata and Hotilor, earlier groundlessly attributed to the typical Mousterian, were actually developing at the same time with the phases of Mitoc-on-Prut type, Selet and Pre-Solutrean type in Central Europe. This means that the upper assemblages of the Carpathian grottoes in Romania, synchronous with Ohaba Interstadial and with preceding glacial stage, can be compared with the transition period to the Upper Palaeolithic and can be determined as a separate phase, characteristic for the Southern Carpathians. Distinction of this Carpathian phase is facilitated because the local types of stone are predominant among the tools from the monuments/sites representing it (quartzite, diorite, etc.), as well as because of the expressiveness of leaf points and bifacials.

Средний палеолит имеет намного большее распространение на территории Румынии, чем нижний. Сейчас можно говорить о большом разнообразии культурных групп, сформированных как на основе местных наследуемых традиций, так и в результате контактов между наиболее распространенными общностями. Этим объясняется тот факт, что в Румынии находится большинство мустьерских групп, известных в Европе, что, возможно, было результатом подвижности населения той эпохи и активного поиска человеком наиболее оптимальной технологии, которая позволяла ему приспособиваться к разнообразным условиям окружающей среды. Можно ожидать, что техническое разнообразие было связано с большой сложностью разнообразных факторов, характерных для той или иной микрозоны, различаемых между собой по особенностям климата, местных ресурсов, жизнедеятельности и повадкам животных, существенно определяющих среду обитания.

Вначале рассмотрим некоторые характерные черты среднего палеолита в гористой зоне Карпат — зоне, иногда ошибочно называемой «альпийским палеолитом» или «кварцитовым палеолитом», только лишь потому, что на многих стоянках орудия из кварцита преобладают. Действительно, в мустьерских слоях карпатских гротов кремль достаточно редок, а использование метаморфических и магматических пород отражается на технике в виде рудиментарных проявлений, также как и в типологической бедности инвентаря. Отсюда трудность при харак-

теристике инвентаря, трудность, увеличивающаяся в связи с тем, что большая часть раскопанного материала все ещё не опубликована.

Наиболее систематичные раскопки были проведены в гроте Муерилор де Бая де Фер (рис. 1). Её каменный инвентарь был представлен многочисленными отщепами из кварцита и лишь спорадически — из кремня и песчаника. Типичные вещи редки и представлены лишь широкими и толстыми отщепами, вместе с пластинами различных форм; различаются треугольные формы с мелкой ретушью по краям, с широкими боковыми выемками, зубчатые и с ретушным усечением. В отдельных случаях отмечены пластины, удлинённые края которых имеют косую регулярную ретушь. Также представлены остроконечники (рис. 2/2-6; 9-10), скребла (рис. 2/1; 7) двусторонне обработанные предметы и даже скребки на пластинах (Nicolăiescu-Ploşor 1953; Nicolăiescu-Ploşor и др. 1957).

Грот Бордул Маре в местности Охаба Понор был заселен в два приёма. В первый раз это произошло начиная с конца теплого интервала Борштеня, а затем в течение ледниковой стадии, последовавшей за этим существенным похолоданием климата, и кончая второй частью фазы Нандру 1, в рамках интерстадиала Нандру. В этот период здесь обитали следующие виды: *Elephas primigenius* Blum., *Rhinoceros antiquitatis* Blum., *Equus caballus* Cuv., *Hyaena spelaea* Goldf., *Ursus spelaeus* Blum. При этом обитатели грота (слои I—II) изготавливали лишь немногочисленные орудия из кварцита и крем-

на, среди которых отмечаются отщепы из кварцита, двусторонне обработанное изделие также из кварцита (рис. 3/2) и остроконечник, выполненный из кремня (рис.3/ 4). Отметим также небольшой кварцитовый блок, близкий к овальной форме, один край которого заострен широкими двусторонними сколами, а другой имеет негативы 2-3 мелких снятий (рис. 3).

Далее следует период, когда грот был покинут и вновь заселен лишь в ледниковую стадию, предшествующую интерстадиальному комплексу Охаба; на этот раз он был заселен до самого конца этого этапа потепления. Две радиоуглеродные датировки определяют, что грот был заселен около $39.100 \pm 2.900-4.500$ л. н. (Grn. 11.618), а покинут после 28.780 ± 290 л. н. (Grn. 14.627) (рис. 4). Здесь следует отметить большое разнообразие каменных орудий, более частое использование кремнистых пород в качестве сырья. В массе сколов, выполненных из кварцита и кремня (рис. 3/15-19), различаются, в качестве типичных изделий, пластины, отщепы, скребла, остроконечники, обработанные по одной или двум сторонам, скребки, изделия с

широкой боковой выемкой, зубчатые изделия, тронкированные пластины и отщепы. Что касается вторичной обработки каменного инвентаря, отметим прежде всего комбинацию в использовании прямой и чередующейся ретуши с широкими, косыми и мелкими полукруглыми фасетками, элементами отсутствующими в двух первых слоях. С технологической точки зрения, наряду с архаическим характером обработки типичных изделий, также заметно, что пластины, равно как и отщепы, сравнительно широки, а их отбивные площадки обширны. На уровне типа выделяются треугольные отщепы, края которых естественно остры или заострены прерывистой противоположающей или чередующейся ретушью. Нет недостатка также в широких отщепах и пластинах с параллельными краями, как простыми, так и мелкоретушированными, зубчатыми, прямоугольными или скошенными. Не столь многочисленны, но выразительны скребки на отщепах и коротких пластинах с ретушированными краями, так же как и редкие бифасы.

Что касается сырья, то в массе отщепов без обработки доминируют кварцитовые изделия, тог-

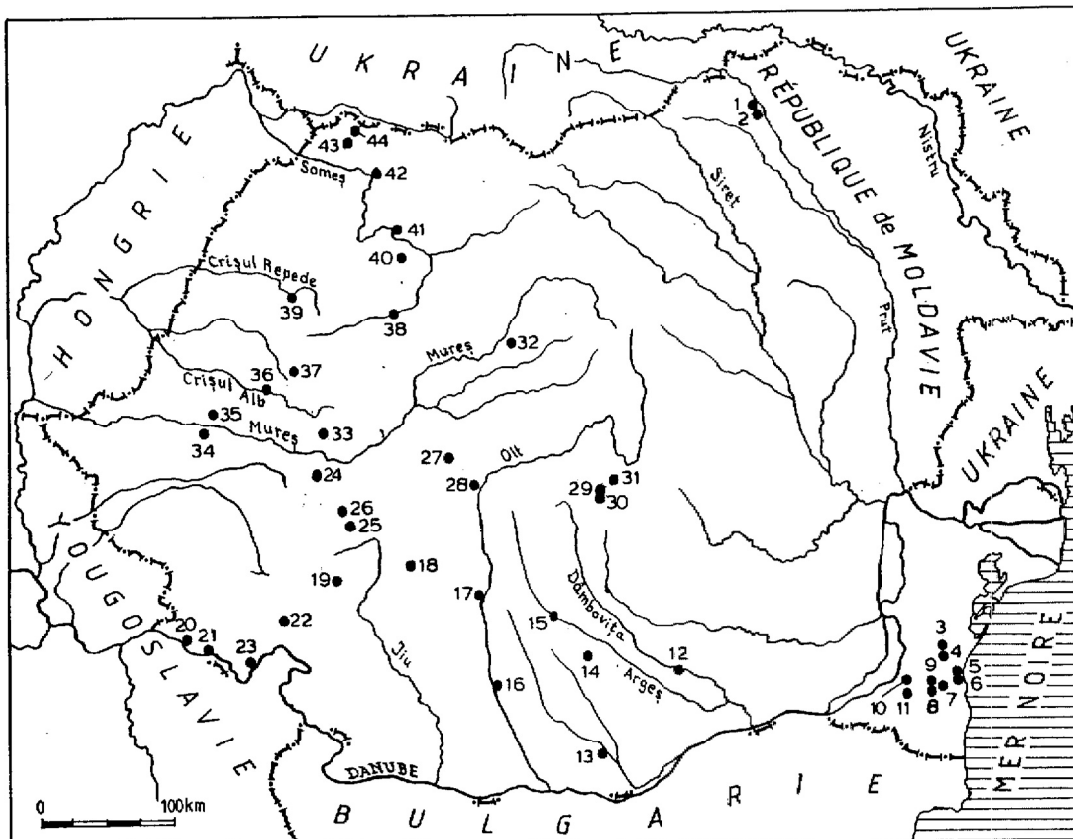
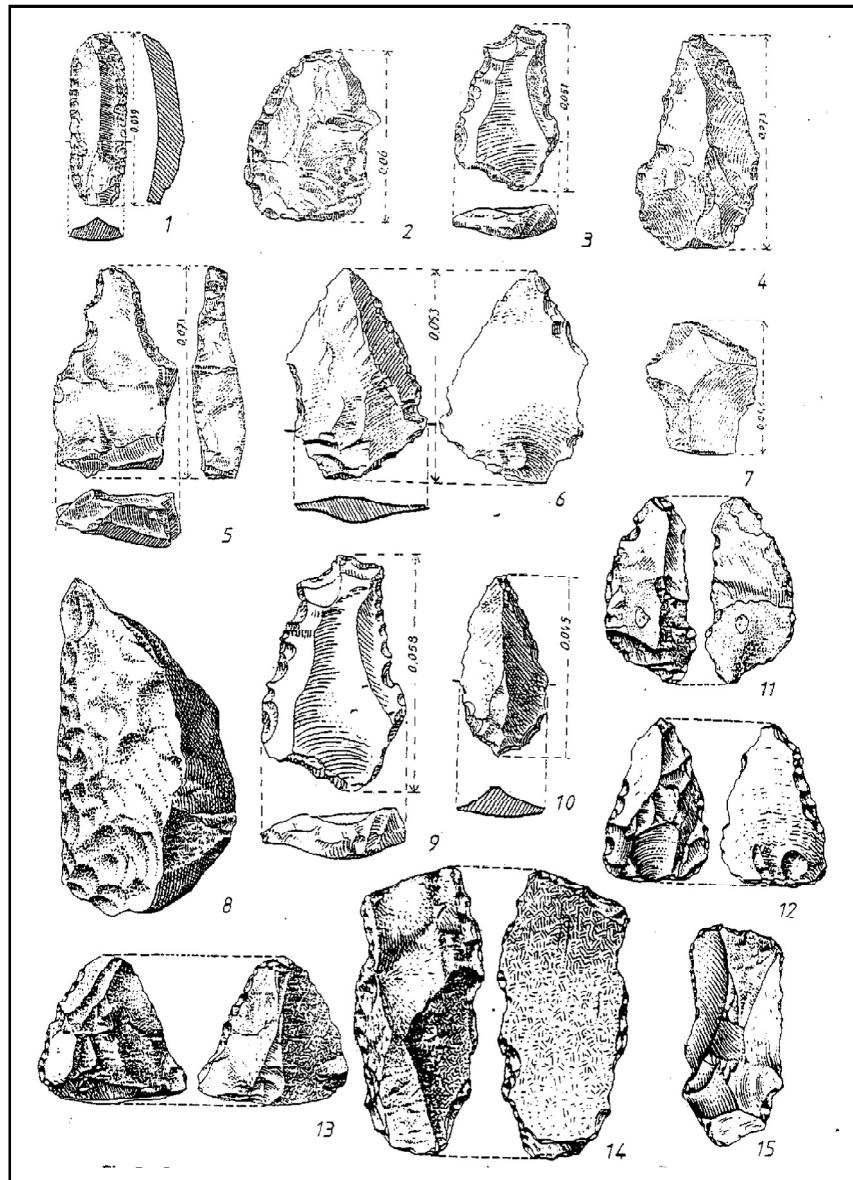

Рис.1. Карта расположения среднелеполитических стоянок Румынии: 1 – Миток-Валя Изворулуй; 2 – Рупичень-Извор; 3 – грот Кейа; 4 – грот «Ла Адам»; 5 – Мамая сат; 6 – Пенинсула Лумина; 7 – Овидиу-Назарча; 8 – Поарта Албэ; 9 – Кастелул; 10 – Салини-Факлиа; 11 – Пештера; 12 – Букурешть; 13 – Попоскиа; 14 – Неграси; 15 – Питешть; 16 – Слатина; 17 – Валя Маре-Бребень; 18 – грот Муерилор; 19 – грот Чёарей; 20 – грот Ливадица; 21 – Горнеа; 22 – грот Хоцилор; 23 – Ветерань-террасе; 24 – грот Куратэ и Спуркатэ; 25 – грот Бордул Маре; 26 – грот Чёкловина; 27 – Окна Сибиулуй; 28 – Талмачиу; 29 – грот Маре; 30 – грот Валя Коакзэей; 31 – грот Гура Кейй; 32 – Сангирита Гэлэтеь; 33 – Бологу; 34 – Зэбрань; 35 – Кладова; 36 – Йосэсел; 37 – Мэгура; 38 – Клуж-Напока; 39 – Боюлуй; 40 – Игрица; 41 – Илеанда Перий Вадулуй; 42 – Бусаа; 43 – Реметеа-Оаш; 44 – Бойнешть-Биксад.

Рис. 2. Каменный инвентарь из грота Муерилор (1, 7 – скребла; 2, 6, 8, 10 – остроконечники) и грота Гура Кей-Рышнов (11–13 остроконечники; 14–15 – пластинчатые отщепы с ретушью).

да как среди законченных форм чаще встречаются кремневые. В то же время типологический спектр, реализованный в кремне, прослеживается и на кварцевой части коллекции.

К концу второго этапа обитания людей в гроте, относимого к среднему палеолиту (известному как мустье III—IV), отмечается тенденция в увеличении пластинчатости индустрии (Nicolăescu-Ploșșor и др. 1955; Nicolăescu-Ploșșor, Haas, Păunescu, Bolomey 1957).

Орудия, обнаруженные в осадочных отложениях интерстадиала Охаба и предшествующей ему ледниковой стадии, без сомнения, использовались в охоте на животных той эпохи: *Rhinoceros antiquitatis* Blum., *Equus caballus fossilis* Cuv., *Equus asinus* L., *Bison priscus* Boj., *Hyaena spelaea* Goldf., *Canis lupus spelaeus* Goldf., *C. Vulpes fossilis*, *Cervus elaphus fossilis*.

Исходя из многочисленности культурных остатков и технико-типологических черт каменно-

го инвентаря, наблюдаемых от слоя к слою, можно заключить, что второй этап заселения грота Бордул Маре, несмотря на отмеченную выше относительную прерывистость, характеризуется явным культурным единством. Без сомнения, палеолитические люди должны были время от времени покидать грот и возвращаться назад через какой-то интервал, в связи с чем каменный инвентарь не обнаруживает элементов, которые свидетельствовали бы о переменах в технологии обработки камня.

Напротив, существенные изменения заметны в сравнении с нижним среднепалеолитическим слоем этого грота, оставившим бедный инвентарь, в основном состоящим из атипичных отщепов.

Грот Куратэ де Нандру (коммуна Пештишу Мик, уезд Хунедоара) представляет собой памятник, выступающий эпонимом интерстадиального комплекса Нандру. В нижней части его от-

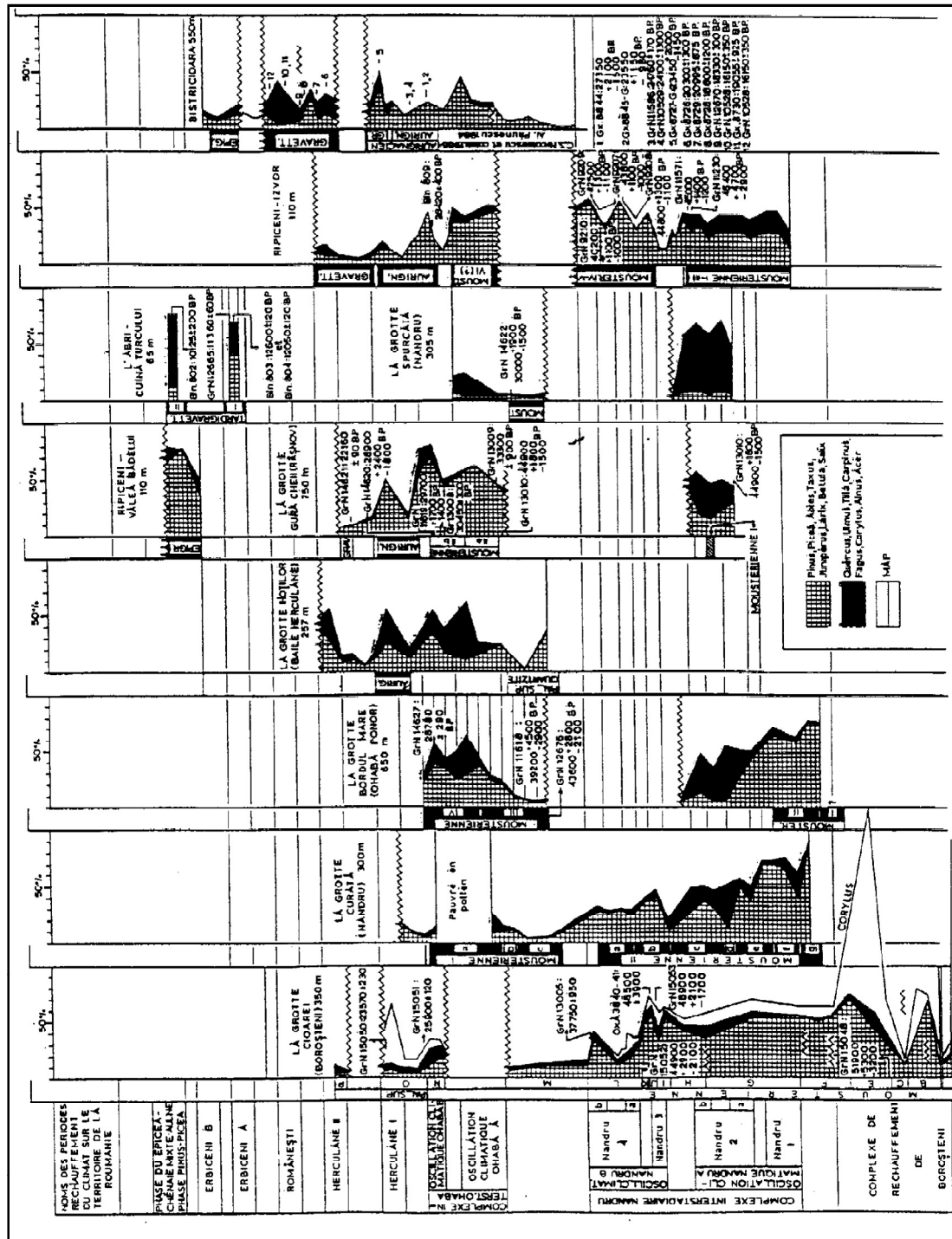
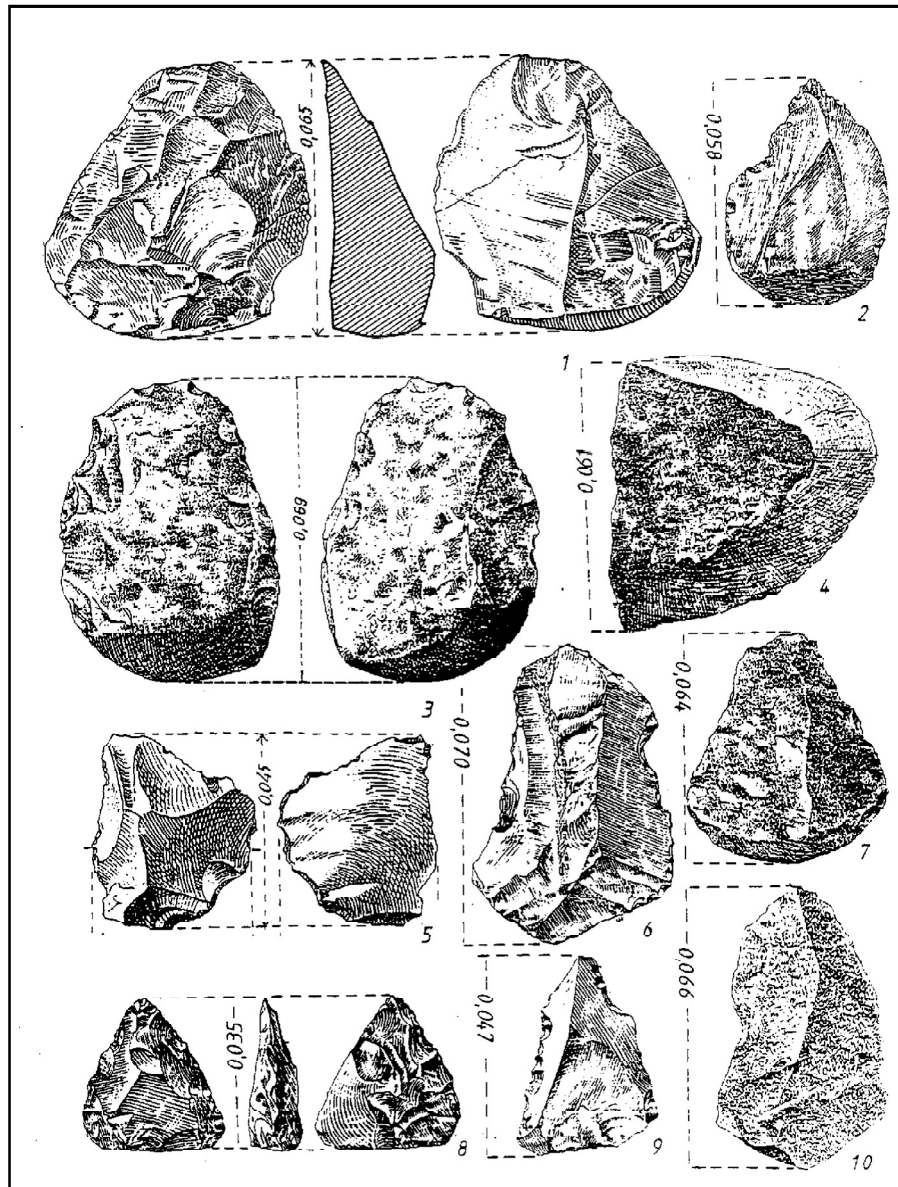

Рис. 4. Сводная пыльцевая диаграмма и геохронология среднего и верхнего палеолита Румынии (по Săgciutaru 1989).

Рис. 5. Каменный инвентарь из грота Куратэ де Нандру (1, 3, 8-9 – бифасы; 2, 10 – остроконечники; 5-6 – отщепы).

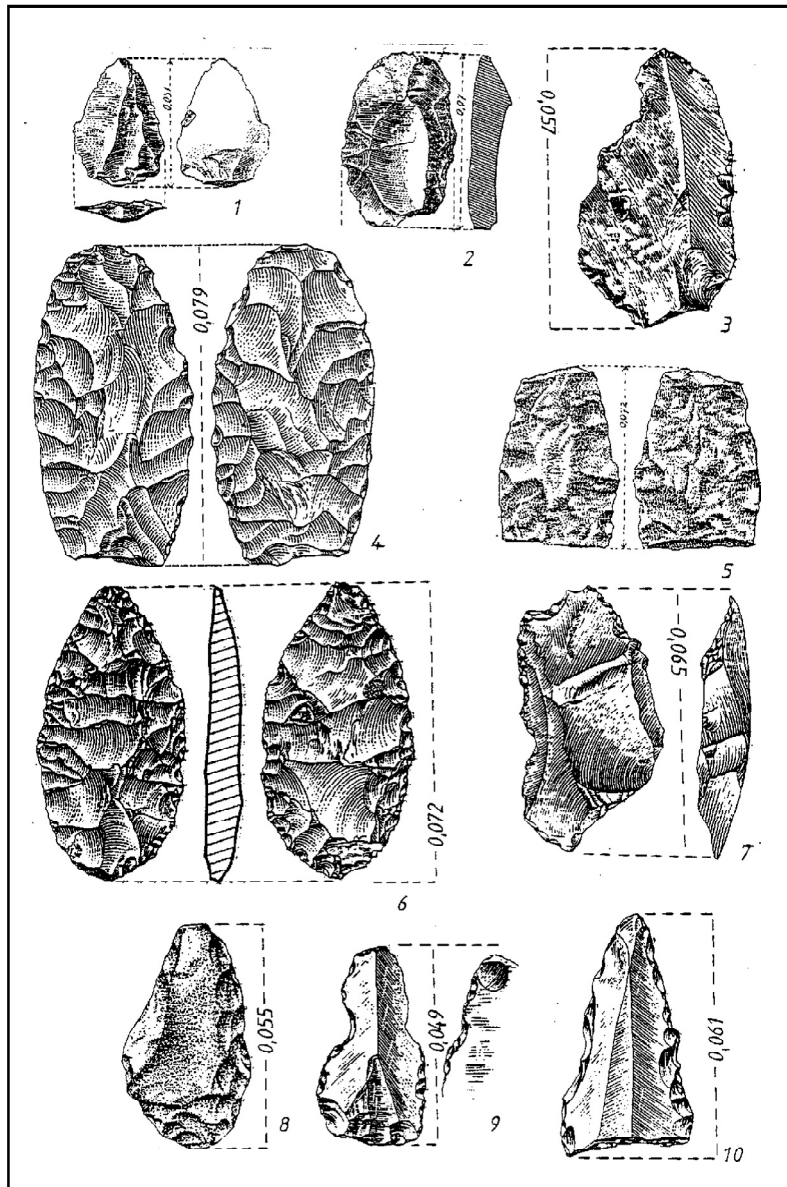

катэ — возрос после открытия Й.Малласом в 1932 году двусторонне обработанных изделий (рис. 6/4-5), отнесённых вначале к протосолютре. Как только было установлено различие между солютре и селетом, К.С.Николаеску-Плопшор допустил спорадическое присутствие селета на территории Румынии, на стоянках, где появляются листовидные формы или даже бифасы (Nicolăescu-Ploşor, Rădulescu, Volomey 1957). Согласно М.Битири (1965), на западе и северо-западе Румынии культурные слои, в которых появляются бифасиальные формы, принадлежат к переходной фазе от мустье к верхнему палеолиту. Они могут представлять собой либо традицию верхнего карпатского мустье, либо влияние селета. Ал.Пэунеску (1970) отвергал идею, что в наши края проникал селет, а бифасиальные изделия, отнесённые к этой культуре, по его мнению, были местного мустьерского происхождения. В свою очередь, Л.Рошу (1966;

1969) утверждает, что мустьерские бифасы из Румынии представлены в той же технической и типологической традиции конца нижнего палеолита, что и в мустье с ашельской традицией. Недавно вопрос о селете в Румынии был широко освещен Б.Юнгбертом (1977), который, демонстрируя свой критицизм по отношению к господствовавшим до сих пор мнениям, убедительно доказывал, что следует признать как минимум влияние селета, либо же отнести часть румынской территории к зоне его распространения.

Если вернуться ещё раз к гроту Спуркатэ, то единственный культурный слой, вскрытый раскопками, совпадает по времени с ледниковой стадией, которую разделяют интерстадиальные комплексы Нандру и Охаба (рис. 4). Датировка верхней части этого культурного слоя недавно подтвердила то, что до сих пор основывалось только на данных палинологии (Căciutaş 1973): Gm 14.622; 30.000 ± 1500-1900 лет назад.

Рис. 6. Каменный инвентарь из гротов Спуркатэ (1—5), Коакэзей (7), Маре (8—10) и со стоянки открытого типа Йосэсел (6).

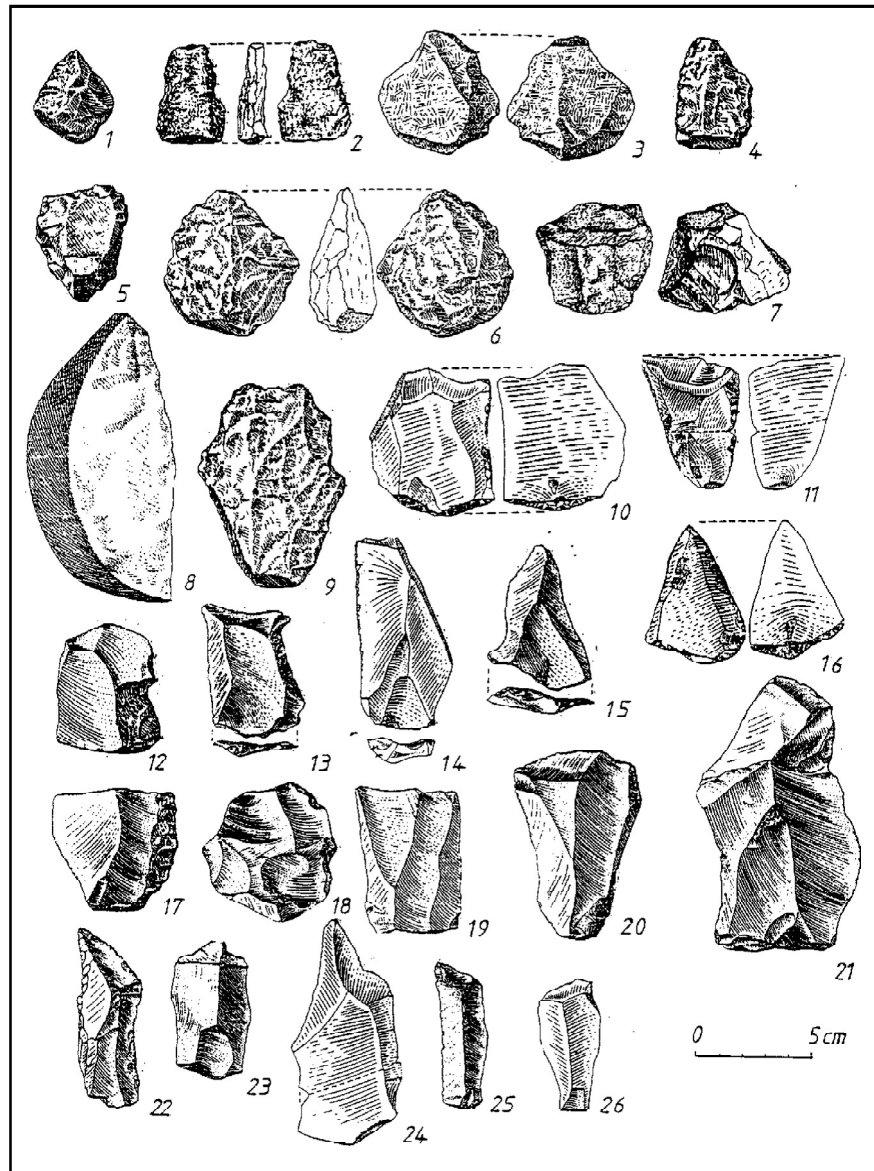
Каменный материал в гроте Спуркатэ не слишком богат, что связано с меньшей плотностью культурного слоя. Кроме находок со специфической обработкой, были также обнаружены треугольные отщепы, широкие пластинчатые отщепы, включая экземпляры с зубчатыми краями и боковыми выемками, скребла (рис. 6/2) и изделия с двусторонней обработкой (рис. 6/4-5); эти последние вызвали бурную дискуссию и были определены как «листовидные изделия типа селет» («feuilles szélétiennes»). Сырьем для изготовления этих изделий служил кварцит (50%), кремль (40%) и опал (10%).

Очень давние исследования — 1911, 1921, 1923-1927 годов, позволили их автору, М.Рошке (1912, 1924, 1925, 1933), пролить свет на мустьерский горизонт с бедным каменным инвентарем, представленным прежде всего отщепами, скреблами (в форме буквы D, как в гротах Бордул Маре и Куратэ), треугольными наконеч-

никами (рис. 6/1), мустьерскими бифасиальными наконечниками из кварцита, опала, яшмы и халцедона.

Каменный инвентарь следующего памятника — грота Хоцилор из Бэиле Херкулане — включает 108 кварцитовых изделий, большинство которых небрежно сколотые. Только 25 из них напоминают типичные формы (Mogoşanu 1978). При этом были выделены три атипичных мустьерских наконечника, без ретушной подработки и треугольной формы, высота которых равна ширине или чуть меньше её, а ударная площадка широкая и толстая с коркой (рис. 7/1, 3, 6). Также отмечены два треугольных скребла, один из краев которых покрыт ступенчатой ретушью с вентральной стороны. Наконечники и скребла имеют широкую ударную площадку, покрытую коркой. Три пластинчатых отщепов с чередующейся ретушью по длинным сторонам также были отнесены к скреблам (рис. 7/2, 4).

Рис.7. Каменный инвентарь из грота Хоцилор де Бэйле Херкулане (1—9) и стоянки Горнеа (10—26).

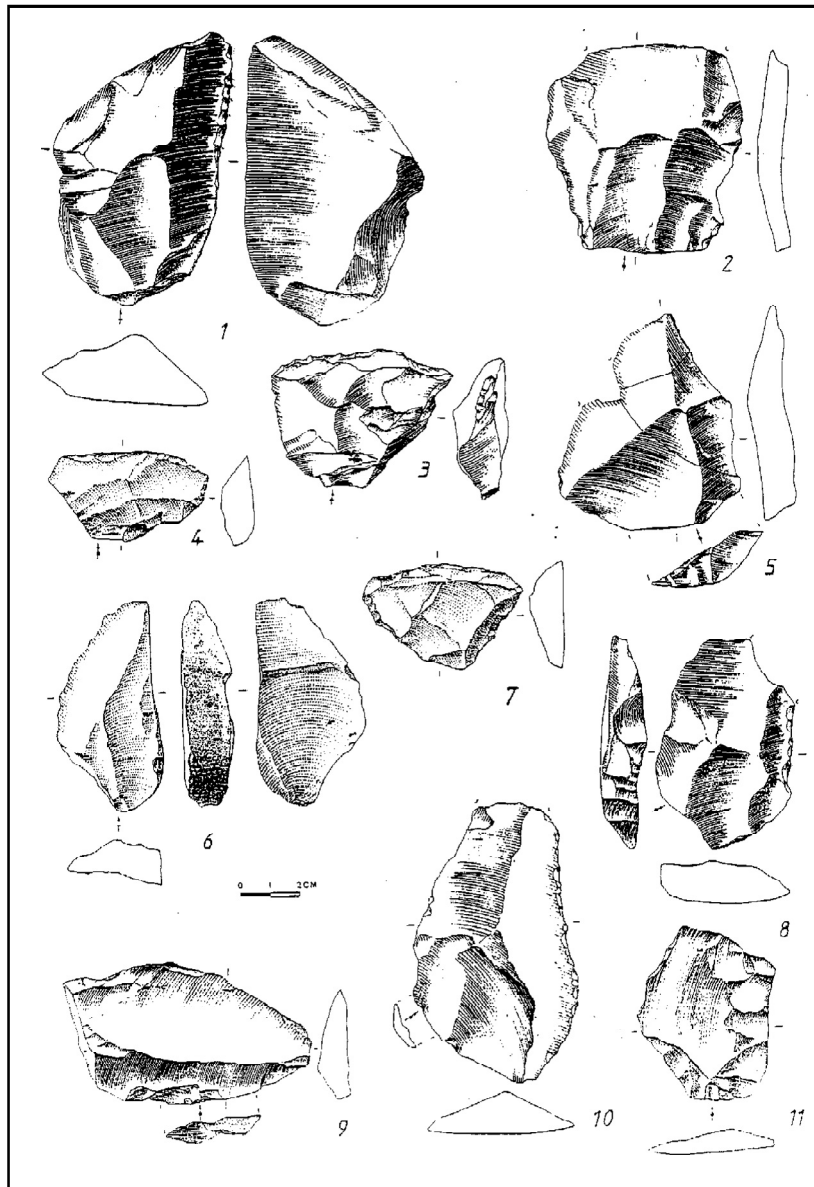
Столь же характерны сколы-сегменты, называемые «лимонными дольками» («tranches de citrus»), использовавшиеся как ножи с естественной спинкой (рис. 7/8). Такое же назначение имели отщепы с широкой ударной площадкой и корочным покрытием, у которых три других края отретушированы, а в исключительных случаях оформлено зубчатое лезвие. Нуклеусы крайне редки; среди них обнаружены два атипичных, на которых частично сохранились негативы коротких пластинчатых отщепов (рис. 7/7а, б). К находкам грота Хоцилор отнесены также 5 атипичных скребков (рис. 7/5) с крутой ретушью, которые, так же как и нуклеусы, напоминают более всего о верхнем палеолите.

Этот инвентарь был отнесен к позднему мустье; анализ пыльцы и мелких млекопитающих позволил датировать его ледниковой стадией, предшествовавшей интерстадиальному комплексу Охаба (Terzea 1971; Cărciumaru 1974).

В другом гроте — Гуря Кеий из Рышнова, уезда Брашов — с самого начала был обнаружен только один культурный слой среднего палеолита (Nicolăescu-Plopșor, Păunescu, Pop 1962). В одном из последних исследований, Ал. Пăунеску (1991) различает здесь уже два мустьерских слоя. Первый из них очень тонок и беден каменным инвентарем: там было найдено только 7 предметов. Второй слой имеет гораздо большее значение, благодаря количеству каменного инвентаря и присутствию очагов в его составе.

В первом случае речь идет о четырех сколах из группы простых отщепов с гладкой ударной площадкой, нелеваллуазских, с мелкозубчатой ретушью на дистальном конце; об одной простой пластине, одном обломке и одной частично сохранившейся наковаленке. Исходным материалом послужил кварцит и кремль (Păunescu 1991).

Рис. 8. Каменный мустьерский инвентарь из грота Чоарей (1—5 — слой E, 6—7 — слой G, 8—11 — слой H).

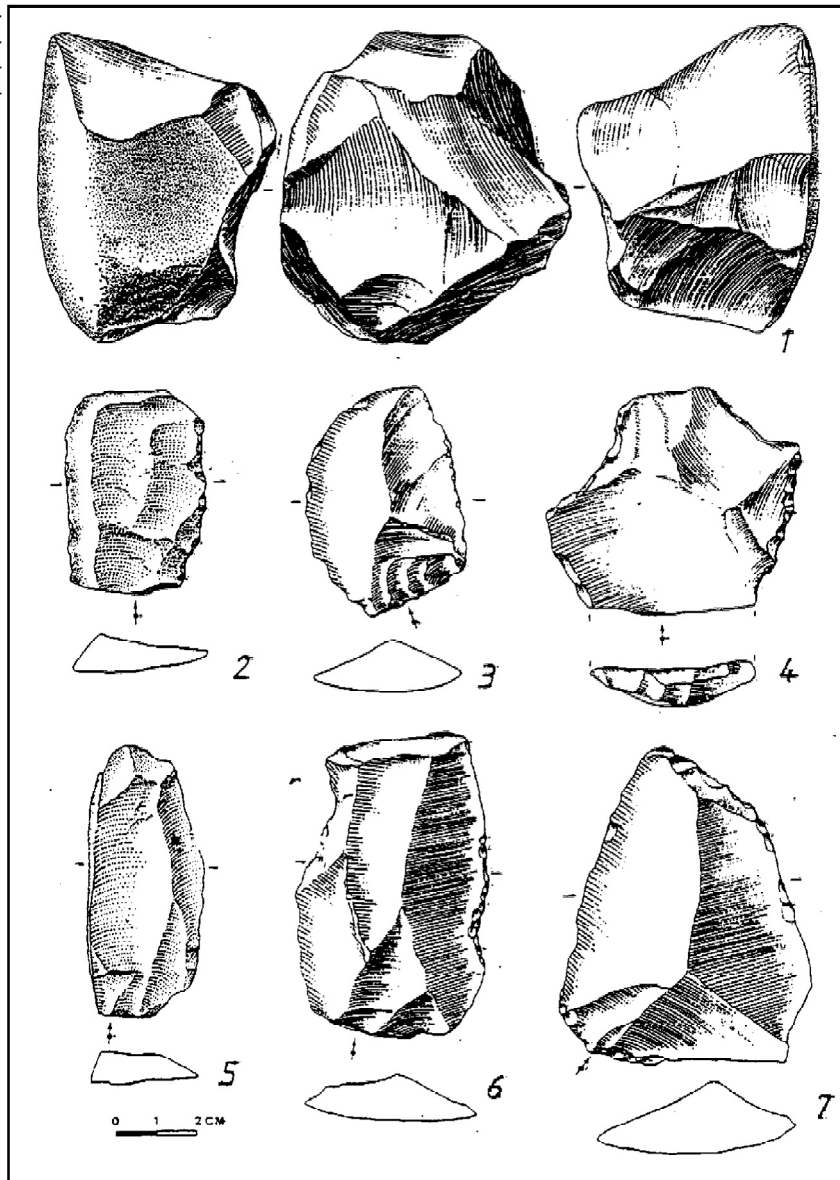
В каменном инвентаре второго мустьерского слоя преобладают скребла и зубчато-выемчатые изделия, тогда как острия леваллуа, скребки и проколки либо редки, либо атипичны. Ал. Пэунеску (1991) выделяет среди 35 найденных изделий: 9 простых отщепов (рис. 2/14-15) с гладкой ударной площадкой, леваллуазских без ретуши или «лимонных долек»; 5 скребел простых выпуклых на массивных отщепах, простых вогнутых на нелеваллуазских отщепах, двойных прямых на массивных фрагментированных отщепах, на плоской поверхности леваллуазской пластины, с чередующейся ретушью на остроконечных отщепах леваллуа; острие леваллуа с ретушью, атипичный скребок на нелеваллуазском отщепе, атипичную проколку на отщепе леваллуа; 4 изделия с выемкой на отщепе и пластинах, включая леваллуазские; 5 зубчатых изделий, фрагмент нуклеуса; обломки наковален и множество отходов расщепления. По-

чи все изделия кварцитовые, очень редко встречаются изделия из песчаника или кремня.

Мустьерский слой грота Гура Кеий был вначале отнесен к ледниковой стадии Вюрма II (Nicolăescu-Plopșor, Păunescu, Pop 1962), но пыльцевые анализы доказали, что на самом деле он совершенно соответствует по времени интерстадиальному комплексу Охаба (Cârciumaru, Glăvan 1975). С тех пор многочисленные радиоуглеродные датировки подтвердили это определение (рис. 4), установив для этого слоя возраст между 33.300 ± 900 (Grn.13.009) и $28.900 \pm 1.800-2.400$ лет назад (Grn.14.620).

Грот Ливадицей был раскопан на краю известнякового обрыва возле села Пескарь, уезда Караш-Северин. Среди наиболее характерных изделий этого грота можно выделить скребла, некоторые с прямолинейным лезвием и даже с двусторонней обработкой, которые с точки зрения типологии приближаются к форме Кина или

Рис.9. Каменный инвентарь из грота Чоарей (1 – слой I, 2 – слой B, 3 – слой N, 4 – 7 – слой J).

к типичному мустье (Boroneanț 1979).

Мы намеренно оставили рассмотрение грота Чоарей, в качестве последнего среди карпатских гротов, содержащих средний палеолит. После его шурфовки в 1954 году (Nicolăescu-Ploșor, Mateescu 1955), регулярные раскопки проводились здесь с 1979 вплоть до 1988 г., в 1990 г., а в 1994-1997 гг. в сотрудничестве с бельгийскими и французскими специалистами.

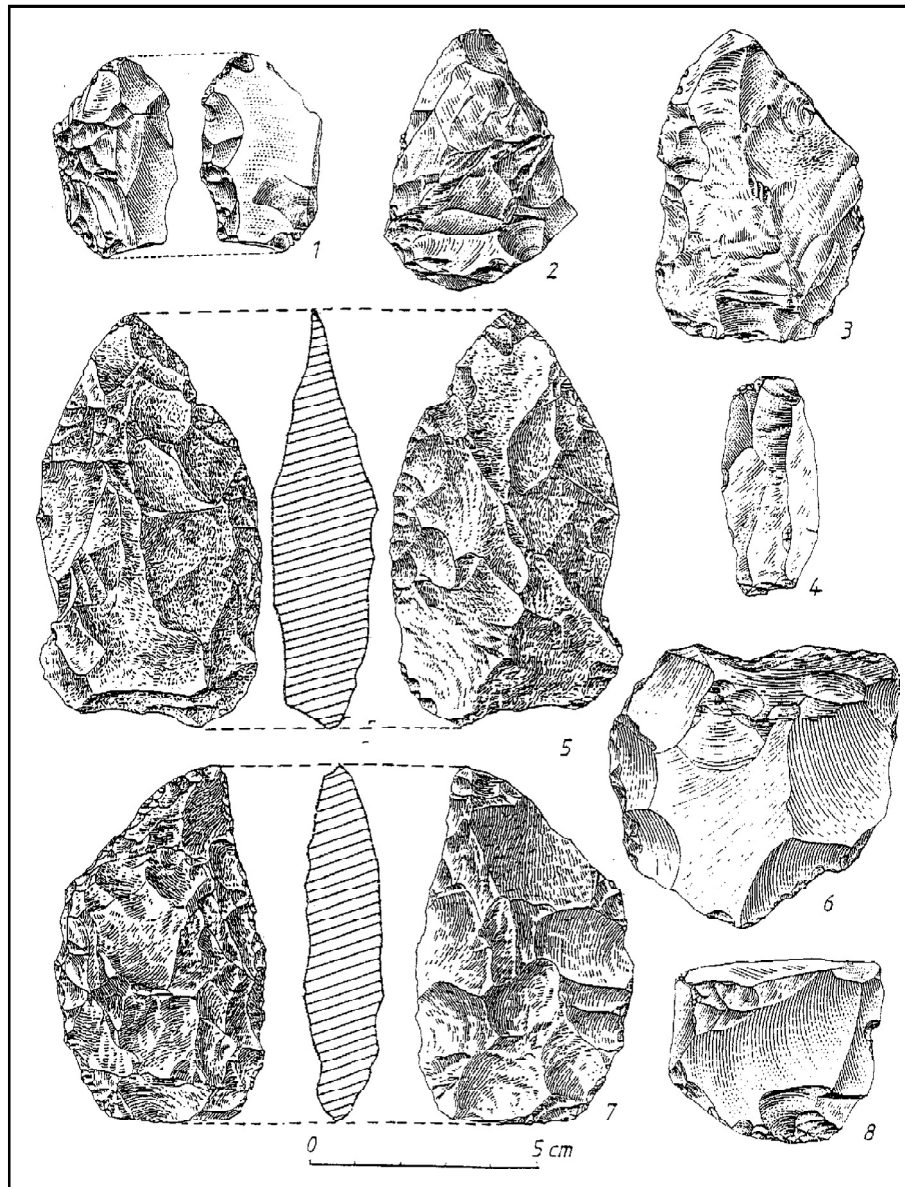
В отличие от других гротов, он изучался комплексно, с привлечением специалистов различного профиля и является единственным гротом, который был раскопан почти полностью, а интерпретация каменного материала была основана на современных технологических и типологических принципах. Если до сих пор грот Чоарей, вместе с другими, считался принадлежащим к общей культурной фации, то последние данные, полученные здесь, должны, с нашей точки зрения, вызвать, если не пересмотр все-

го комплекса взглядов на средний палеолит южнокарпатских гротов, то как минимум пересмотр некоторых гипотез на этот счёт.

Более 500 предметов, составляющих мустьерский каменный инвентарь грота Чоарей, недавно были подвергнуты технико-типологическому исследованию М.Ульриком-Клоссет (Cârciumaru, Ulrix-Closset 1994)

Как видно, в гроте Чоарей было обнаружено гораздо большее количество каменного инвентаря, чем во всех остальных. Здесь, как и везде, сравнительно много изделий остаётся не идентифицированными или трудными для типологического определения, многочисленны гальки, фрагментированные в результате бессистемного скалывания, также как и масса обломков атипичных отщепов. Это может быть результатом использования кварца и кварцита с грубыми зёрнами, дающим беспорядочные сколы. Кварциты с микрогранулированной структу-

Рис.10. Каменный инвентарь со стоянки Реметеа-Сомош I.

рой и большинство магматических пород (диориты, риолиты), также как и редкие виды осадочных пород, лучше поддаются расщеплению и позволяют распознавать различные методы раскалывания.

Сравнительная редкость и даже полное отсутствие нуклеусов в некоторых слоях грота, допускает изучение методов обработки камня в основном исходя из особенностей полученных сколов. Раскалывание, по всей видимости, проводилось в местах заготовки сырья по долине р. Бистричоара.

На немногих из сохранившихся нуклеусах отмечены следы разнонаправленного скалывания. Скалывание, отмеченное М.Улриком-Клоссет, позволяло сохранять более или менее значительные участки корочного покрытия галек.

Можно было бы утверждать, что леваллуазкое расщепление не было известным для обитателей грота Чоарей, если бы не отдельные

находки, которые использовались в исключительных случаях, в основном при обработке магматических пород. Раскалывание галек в виде «лимонных четвертинок», называемой техникой понтиньен, встречается чаще. Она была применена на гальках из кварца и кварцита и дала возможность произвести отщепы, используемые в качестве ножей или скребел со спинкой. Некоторые черты инвентаря обусловлены расщеплением в виде «креста», когда ось расщепления ориентировалась перпендикулярно оси негативов бывших сколов, расположенных по дорсальной стороне. Эта техника часто порождает отщепы с неправильной огранкой спинки и даже без какой-либо огранки.

Исходя из анализа каменного инвентаря грота Чоарей, можно констатировать, что в каждом случае способ расщепления выбирался в зависимости от имеющейся породы. А это дает возможность утверждать, что мустьерский человек

умел адаптировать свою каменную технологию к условиям местных сырьевых ресурсов.

Типологический анализ мустье карпатских гротов не был произведен должным образом, а его специфика была представлена недостаточно четко. В связи с этим характеристика каменного инвентаря грота Чоара имеет огромное значение.

М.Ульрикс-Клоссет считает, что скребла из этого грота составляют самую важную категорию орудий. Речь идёт в основном о скреблах простых, выпуклых или прямых, латеральных или трансверсальных. Есть также несколько конвергентных скребел, но нет настоящих мустьерских острий. Ножи также хорошо представлены, в основном с естественной спинкой. Имеется также несколько зубчатых изделий. Напротив, бифасы совершенно отсутствуют.

Ретушь скребел чаще всего короткая и краевая; подтёска редка, а чешуйчатая ретушь встречается как исключение; ретуши типа Кина нет вовсе.

Согласно литературе, к которой мы обращались, существовало множество черт сходства между мустьерским инвентарем разных гротов Южных Карпат.

М.Габори (1976) отмечает по поводу инвентаря из гротов Южных Карпат, отнесенных к мустье: «большая часть этого инвентаря представлена кварцитом ... техника леваллуа не характерна, а пластинчатые изделия не обнаружены. Скребла на обломках галек господствуют среди орудий. Естественная корка на них часто сохранена, что объясняется характером сырья». Наиболее многочисленны треугольные конвергентные скребла, встречаются трапециевидные, выпуклые и прямые формы лезвий, трансверсальные или дежете, на ударных площадках покрытых коркой. Они слабо ретушированы, как правило, по наиболее выпуклому краю орудия.

В других местах, в зоне карпатских понижений имеются свидетельства существования других «мустьерских» групп. Так, например, в районе Оаш на Северо-Западе Румынии, было открыто несколько стоянок возле сел Бойнешть и Реметеа-Шомош 1 (округ Сату Маре), где техника леваллуа встречается сравнительно часто.

В Бойнешть, раскалывание представлено комбинацией старой техники расщепления и пластинчатой, находящейся в процессе формирования. Самые представительные изделия — дисковидные нуклеусы, рубящие орудия, остроконечники, треугольные отщепы (с прямой отбивной площадкой, фасетированные или остроконечные), массивные скребла. Кроме этих специфически мустьерских типов орудий, также встречаются призматические нуклеусы, чья отбивная площадка специально подготовлена, скребки различных типов, что доказывает знание обитателями стоянки способов получения пластин.

Сходные черты наблюдаются в Реметеа-

Шомош 1. Здесь тоже найдены как дисковидные мустьерские нуклеусы, так и призматические с негативами пластинчатых сколов и со специально подготовленной отбивной площадкой. Распространены скребла, большинство из которых выполнено на толстых отщепах, а многие представлены типом рабо. Особый интерес вызывают два листовидных двусторонне обработанных изделия.

У Железных Ворот Дуная на окраине гор Локвей и Алмажулуй, на холме Кэуницея, найдена стоянка Горня. Здесь обнаружено 147 изделий из кремня, изготовленных путем раскалывания, индекс леваллуа которых очень высок. Самыми многочисленными являются отщепы леваллуа без ретуши, некоторые из которых имеют ровную ударную площадку и небольшой бугорок, другие — широкую фасетированную площадку и выступающий бугорок или же выпуклую фасетированную ударную площадку. Почти такими же многочисленными являются простые нелеваллуазские отщепы с ровной ударной площадкой и маленьким ударным бугорком или прямой ударной площадкой с частично сохранившимся корочным покрытием. Леваллуазские остроконечники представлены экземплярами с фасетированной выпуклой или гладкой ударной площадкой и выступающим бугорком. Очень редкими являются ретушированные остроконечники. Скребла относятся к простым, вогнутым, на отщепах леваллуа с широкой ударной площадкой (фасетированной выпуклой или выпукло-вогнутой), на простых нелеваллуазских отщепах. В некоторых случаях отмечены простые или двойные скребла на обычных отщепах. Выделены три нуклеуса — типично леваллуазский, дисковидный и поддисковидный. Встречаются пластины без ретуши как леваллуа с гладкой ударной площадкой, так и нелеваллуазские с выступающей ударной площадкой.

Выше мы попробовали рассмотреть основные технико-типологические черты инвентаря среднего палеолита Южных Карпат. При этом мы руководствовались исследованиями, проведенными по нашему региону, учитывая во возможности природные условия, которые во многом определяли жизнь людей того времени.

По мнению М.Габори (1976), самые близкие аналогии инвентарю карпатских гротов находятся в Шарантьене, рассматриваемым В.Габори-Чанк (1968) в качестве одного из вариантов среднепалеолитических индустрий Юго-Восточной Европы. Напомним, что выделяя это понятие с целью характеристики каменной индустрии Ерда (Венгрия), В.Габори-Чанк (1968) внесла множество уточнений относительно особенностей, которые определяли проявление Шарантьена для этой части Европы и черт, порожденных региональной спецификой. Эти рекомендации изначально содержали в себе комп-

ромисс: «если бы была возможность абстрагироваться от значения показателя Кина, то это сходство означало бы, что наша культура принадлежит к Шарантьену» (Gabori-Csank 1968: 168). Несколько раз она говорит и о «технологии, аналогичной технологии Понтиньен» (Gabori-Csank 1968: 161), отмечая, что с точки зрения типологии индустрия Ерда характеризуется «сегментами галек», формами «цитрусовых долек», часто покрытыми остатками корки, «скреблами на обломках или сегментах галек» (Gabori-Csank 1968: 162). Наконец, она утверждает, что индустрия Ерда «возможно относится к одной из фаций Шарантьена, в широком смысле слова, также как и Понтиньену, к которому, возможно, она относительно ближе по своей технике. Согласно нашей гипотезе, она является очень измененным проявлением Понтиньена, ставшего автономным в результате своего географического расположения» (Gabori-Csank 1968: 182).

Общим фактором, который приближает карпатские гроты к Понтиньену, является использование галечного сырья и техники его переработки. Различие состоит лишь в том, что в итальянском Понтиньене использование кремня является доминантным, в то время как такой же кремь слабо распространен или полностью отсутствует во многих гротах Карпат. Отсюда обедненная типология карпатских гротов, основанная на анархичной технике первичного раскалывания кварца и кварцита. Общим для этих гротов является множество скребел, в основном прямых, которые сохраняют корочное покрытие на спинке, а также небольшое количество скребел с двусторонней обработкой. Остроконечники в основном атипичны, частично ретушированы, с участками сохранившейся коркой. Индекс Леваллуа проявляется слабо или вовсе отсутствует. Подчеркнем, что ретушь Кина или полу-Кина, типичная для Понтиньена, не существует, к примеру, в гроте Чоарей.

М.Ташини (1979) приближает Понтиньен, с точки зрения типологии, к мустьерской группе Шарантьен типа Кина и считает, что он развивался между первой стадией Вюрма и последующим интерстадиалом.

Материалы карпатских гротов, отнесенные к среднему палеолиту, требуют дополнительного рассмотрения, позволяющего уточнить их хронологическую позицию. Без этого затруднено сопоставление культурного своеобразия Шарантьена и Понтиньена, выявление степени их взаимовлияния и определение того оригинального вклада, который оказал каждый из них в регионе.

К.С.Николэеску-Плопшор в статье 1956 г. сделал несколько интересных замечаний в отношении палеолитических находок из первых карпатских гротов. В частности, в мустьерских слоях Бая де Фер, в гротах Муерилор, Охаба Понор, Бордул Маре им были выделены бифасы, полученные посредством преселетоидной

техники двусторонней оббивки.

Все эти характеристики заставляют относить палеолит в гротах румынских Карпат к верхнему мустью лишь номинально, учитывая запаздывание в их развитии. Каменный материал этих гротов, по всей видимости, связан с мустью лишь с точки зрения морфологии, что не дает оснований для прямого его сопоставления с классическим восточным мустью или мустью Северо-Востока Румынии, выявленным на террасах Прута. Архаичные формы инвентаря в наших гротах обязаны своему грубому внешнему облику. К.С. Николэеску-Плопшор считал эту «мустьерскую» культуру современной *Homo sapiens fossilis* и определял мустье Румынии как «преселетоидное мустье».

Таким образом, результатом междисциплинарных исследований 1979 г. стало предположение о том, что многие мустьерские слои сформировались в сравнительно более позднее время и могут быть хронологически сопоставимы с началом верхнего палеолита.

Говоря о карпатских гротах, нужно уточнить некоторые аспекты. Прежде всего, желательно разделить гроты на две больших группы, в одну из которых попадают многослойные памятники — Куратэ, Бордул Маре, Муерилор и Гура Кейй, в другую стоянки с одним уровнем обитания — Хоцилор и Спуркатэ. Что касается первой группы, то их нижние слои относятся к интервалу между концом периода потепления Бороштень и концом интерстадиального комплекса Нандру, несмотря на то, что его существование заканчивается до 35.000 лет назад. К этому периоду относится также мустьерское поселение грота Чоарей. Что касается верхних мустьерских слоев гротов Куратэ, Бордул Маре и Гура Кейй, то была констатирована их принадлежность к более позднему периоду — интерстадиальному комплексу Охаба и большей части стадиального похолодания, который предшествует этому периоду потепления. В гроте Бордул Маре, две датировки по C^{14} показали, что второй уровень обитания, считавшийся типологически мустьерским, находится между 40.100 ± 3.600 (GrN 11.618) и 28.780 ± 290 (GrN. 14.627). В Гура Кейй-Рышнов, принадлежность второго мустьерского слоя к интерстадиальному комплексу Охаба доказана многими радиоуглеродными датами, попадающими в интервал между 33.200 ± 900 (GrN. 13.009) и 29.200 ± 2.100 (GrN. 14.620) (рис.4).

Среди гротов с одним уровнем обитания, палеолитический слой грота Спуркатэ, относимый вначале к селету (Nicolăescu-Ploșșor, Păunescu, Bolomey 1957; Nicolăescu-Ploșșor 1957), а потом к мустью (Păunescu 1970), является на самом деле единовременным стадиальному похолоданию, который предшествует интерстадиалу Охаба (Cârciumaru 1973). Эта датировка, полученная палинологическим путем, подтверждена радиоуглеродным методом:

30.200 ± 1.700 (GrN. 14.622). К этому же периоду относится так называемый кварцитовый палеолит грота Хоцилор (Cârciumaru 1974).

Как было определено выше, во многих гротах карпатского региона был выявлен уровень обитания, хроноклиматическая эволюция которого началась во время потепления Бороштень и закончилась к концу интерстадиала Нандру.

В эту категорию мы включаем: II-й мустьерский слой грота Куратэ, I-й и II-й мустьерские слои грота Бордул Маре, I-й мустьерский слой грота Гура Кейй, нижний слой грота Муерилор и мустьерское поселение грота Чоарей (слои А-Ј). За исключением грота Чоарей, где тщательные раскопки позволили собрать большое количество каменного инвентаря, указанные слои других гротов не являются достаточно насыщенными культурными остатками. Учитывая это обстоятельство, мы пробуем дать определение этого первого этапа обитания в карпатских гротах в основном при помощи технико-типологических черт, выявленных к настоящему времени в гроте Чоарей (Cârciumaru, Ulrix-Closset 1994). По нашему мнению, первые свидетельства обитания человека в гротах Куратэ, Бордул Маре, Гура Кейй и Муерилор можно считать схожими с данными из грота Чоарей вполне оправдано. Мы имеем в виду также то, что эти следы обитания сопоставимы с периодом, ограниченным потеплением Бороштень и интерстадиалом Нандру, представляющим собой специфически мустьерский этап на всем европейском континенте.

Следовательно, считая своеобразие инвентаря грота Чоарей как основополагающего и для других среднепалеолитических памятников Южных Карпат, охарактеризуем отдельные его черты. Отметим редкие находки первичных нуклеусов с раскалыванием по большей части периметра, при сохранении на них больших участков естественной галечной корки; использование в редких случаях техники Леваллуа; распространенность первичного раскалывания на «лимонные дольки» по понтийской технике; слабое проявление перекрестного первичного раскалывания и использование того или иного способа первичного раскалывания в зависимости от характера и качества местного сырья. С точки зрения типологии, именно скребла составляют категорию самых распространенных орудий, прежде всего простых типов с выпуклыми, прямыми, боковыми, трансверсальными лезвиями, при малом количестве конвергентных. Такой же богатой является категория ножей с естественной спинкой. Также представлено несколько зубчатых изделий. Бифасы, полностью отсутствующие в гроте Чоарей, найдены в двух экземплярах в Бордул Маре, а несколько остроконечников — в гроте Куратэ.

Несмотря на то, что мы плохо информированы об общих приемах вторичной обработки, материалы грота Чоарей свидетельствуют о том, что ретушь скребел обычно является ко-

роткой и краевой, чешуйчатая и ступенчатая ретушь редка, а ретушь типа Кина отсутствует (Cârciumaru, Ulrix-Closset 1994).

Отсутствие ретуши типа Кина заставляет нас задуматься о принадлежности этой фации к Шарантьену в его классическом виде и возможной его ассимиляции Понтийеном. Тем не менее, отдельные общие черты так называемой понтийской техники выражены достаточно неоспоримо; в то же время, Понтийен типологически близок к мустье из группы Шарантьен.

Имея в виду все эти осложнения, мы могли бы принять компромиссное положение, позволяющее рассмотреть обитателей среднего палеолита румынских Карпат в мустьерском сообществе с традициями Шарантьена и с техникой Понтийен.

Таким образом, по мнению М.Битири и М.Кырчумару (1980), изучение типологического и технологического аспектов данной проблемы приводит к переоценке хронологии палеолита карпатских гротов (Cârciumaru 1980, 1985, 1988, 1989) и вызывает необходимость «отделить мустьерские комплексы ... собственно среднего палеолита от поздних комплексов, приписываемых пережиточному верхнему мустье, единовременному верхнепалеолитическим культурам» (с. 71-72).

Любопытным в этом смысле является кварцитовый комплекс грота Хоцилор, соответствующий стадии похолодания, предшествующей интерстадиалу Охаба. Ф.Могошану (1978), рассматривая «кварцитовое мустье» гротов Южных Карпат, считает возможным представить этот комплекс как наиболее продвинутый к верхнему палеолиту. А это допускает его отнесение к первой фазе, называемой кварцитовым палеолитом, который развивался параллельно орияку Баната (Bitiri, Cârciumaru 1981).

Преимущественное использование кварцита для изготовления орудий придает комплексу Бэиле Херкулане характерное единообразие. Технология и типология его изделий указывает на такие специфические элементы мустьерской культуры как скребла и бифасы, так же как и верхнепалеолитические формы — призматические нуклеусы и скребки. Несколько схожая ситуация установлена для верхнего уровня (I ас) грота Куратэ в Нандру, культурного слоя грота Спуркатэ в Нандру, III и IV уровней грота Бордул Маре из Охаба Понор и второго уровня грота Гура Кейй из Рышнова. Во всех этих комплексах открыты орудия, которые определяются технологически как более сложные, типологически — более изменчивые, при использовании различных разновидностей ретушной обработки. Соотношение типов во всех этих комплексах еще недостаточно выяснено (за исключением грота Гура Кейй), но часть наиболее древних мустьерских комплексов, попадающих в интервал между потеплением Бороштень и концом интерстадиала Хандру (Cârciumaru 1977,

1979), могут быть охарактеризованы в рамках специфической отщеповой индустрии среднего палеолита. Эти комплексы отражают более широкую типологическую гамму, которая включает зубчатые изделия, архаичные пластины с параллельными краями и мелкой ретушью, отщепы усеченные ретушью, скребки на отщепе и коротких пластинах, иногда резцы. Бифасиальные изделия обычно представлены в обломках, в противоположность более древним, они тщательно обработаны, многие уплощены, имеют тонкое основание и слегка заужены в средней части изделия.

В соответствии с технико-типологическими особенностями инвентаря (соотношению отщепов, пластин и бифасов), хронологии и характером используемого сырья, верхние комплексы карпатских гротов с двумя уровнями обитания, рассматриваемые до настоящего времени как мустьерские (гrotы Куратэ, Бордул Маре, Гура Кейй), либо комплексы с одним уровнем (гrotы Спуркатэ и Хоцилор), могут быть сопоставимы с начальным уровнем обитания на северо-западе Румынии (Оашко-Марамурешское понижение), неоправданно относимого к типичному мустье и развивавшегося в то же самое время, что и фации типа Миток на Пруте, Селет (Gabori 1953) и пресолютре (Zots 1959) в Центральной Европе. Следовательно, верхние уровни карпатских гротов, единовременные интерстадиалу Охаба и предшествующей ей ледниковой стадии, сопоставимы с периодом перехода к верхнему палеолиту и могут определяться в качестве особой фации, специфичной для Южных Карпат. Мы даем название этой фации как **карпатской**. Её обособление как фации частично покоится на технико-типологических особенностях каменного инвентаря, на соотношении в ней отщепов, пластин и бифасов, её хронологической позиции, связанной с переходом от среднего к верхнему палеолиту, ведущей роли местных пород камня (кварцита, диорита и др.), используемых в качестве основного источника сырья.

Карпатская фация несомненно испытала влияние селета, который был распространен по соседству с запада и северо-запада. Отметим по этому поводу наиболее важные мнения, часто достаточно противоречивые.

Первые листовидные изделия, открытые в Румынии, были определены как солютрейские. Речь идет о находках в долине Кикирэу (Teutsch 1914; Vreul 1925), обнаруженных Н.Н.Морошаном (1938) в Рипичень, М.Рошкой (1927; 1928; 1929) в Сита Бузэулуй и Иосэсел, Ж.Малласзом (1934) в Нандру и др. На следующем этапе, К.С.Николаеску-Плопшор (1957) доказал, что для территории Румынии нельзя говорить о солютре и приписал изделия из грота Спуркатэ и Иосэсел к селету (рис.7); в то же время, он включил серию бифасов в фацию, которую он назвал мустьерско-селетской или селето-ориньякской. Ал. Пэунеску (1970) утверждал, что се-

лета в Румынии нет, что все листовидные изделия и бифасы, осмотренные им, имеют местное мустьерское происхождение и связаны с особой техникой расщепления, которая ясно видима на протяжении мустье, продолжается в ориньяке и в ослабленном виде представлена в граветте. Не так давно, он повторил эту точку зрения, отметив, что листовидные наконечники типа селет, появившиеся в индустриях верхнего палеолита, развивались на территории Восточных Карпат (Păunescu 1993: 202).

Далее Ал.Пэунеску приводит данные, исходя из которых верхний палеолит Карпат возникает в виде ориньякского или ориньякоидного технокомплекса. В его инвентаре содержится по крайней мере несколько изделий и наконечников с двусторонней обработкой, которые различаются с точки зрения техники изготовления и морфологии, также как и селетские бифасы, в общем имеющие иное происхождение (Păunescu 1993: 202). В завершение, как отмечает Ал.Пэунеску, можно допустить, что бифасы Трансильвании не имеют ничего общего с таковыми из селета Центральной Европы (Allsworth-Jones 1986).

В свою очередь, М.Битири (1965, 1967) утверждает, что на западе и северо-западе Румынии, культурный контекст и отделка бифасиальных форм (рис.10), соотносится с переходной фазой от мустье к верхнему палеолиту. Она частично представлена либо традициями верхнего мустье Карпат, либо влиянием селета.

Наконец, Б.Юнгберт (1977) принимает идею эволюции местной техники обработки бифасов на некоторых мустьерских стоянках, что согласуется с производством бифасиальных форм, также как и листовидных, на протяжении финального мустье. Тем не менее он отвергает возвращение к иллюзии об обособленности развития на территории Румынии. Это справедливо в связи с открытием листовидных форм в Мосэсел (рис.6:6), в гроте Спуркатэ (рис.6:4-5) и Реметеа-Шомош I (рис.10:5,7), которые, как он считает, не имеют какой-либо связи с инвентарем местного происхождения.

Знание более точной хронологии культурных напластований по новому освещает происходящее в зоне Капат и Трансильвании. Так, становится очевидным, что реальные факты не позволяют более отрицать влияние селета в данном регионе. Напомним впрочем, что часть специалистов выступала вначале за отрицание влияния селета на технико-типологическое развитие индустрии.

М.Битири (1972) приписывает нижний слой стоянки Бойнешты и Реметеа-Шомош I к переходной фазе от среднего палеолита к верхнему. Она допускает связь этих слоев с верхними слоями Шубалюка в Венгрии, Шипки в Чехии, 7а и 8-9 слоями Кулны в Моравии и др., но в особенности с верхними слоями карпатских гротов.

Стоянка Горнеа, обнаруженная рядом с Железными Воротами, приписывалась, в силу своих технико-типологических черт, к типичному мустье с леваллуазской техникой раскалывания (рис.7:10-26) (Mogoşanu 1978). Однако, согласно пыльцевому анализу мустьерского слоя, он может быть определен интерстадиалом Охаба и, следовательно, сопоставим с карпатской фацией. Ф.Могошану (1978), желая оправдать

употребление термина «мустьерский» для очень позднего времени, указывает на схожую ситуацию на стоянках Градак и Риссоватка в Сербии, открытых Брейлем (1923) в окрестностях Белграда, которые рассматриваются отчасти единовременными с центральным и восточно-европейским ориньяком. Вполне ясно, что существование такого позднего мустье объясняется отсутствием ориньяка в Сербии (Gavela 1958).

ЛИТЕРАТУРА

- Allsworth-Jones P. 1986. The Szeletian and the Transition from Middle to Upper Paleolithic in Central Europe. Clarendon Press, Oxford.
- Bitiri M. 1965. Considerații asupra prezenței unor forme de unelte bifaciale în așezările paleolitice din România // SCIV, 16, 3. P.431-446.
- Bitiri M. 1967. Paleolitische Blattspitzen in Rumänien // Quartär, 18. P.139-154.
- Bitiri M. 1972. Paleoliticul în Țara Oașului. București.
- Bitiri M., Cârциумару M. 1980. Le milieu naturel et quelques problèmes concernant le développement du Paléolithique supérieur sur le territoire de la Roumanie // Colloque International, «L'Aurignacien et le Gravettien (Périgordien) dans leur cadre écologique». Nitra. P.65-75.
- Bitiri M., Cârциумару M. 1981. Considerații asupra unor probleme privind dezvoltarea paleoliticului superior și mediul sau natural pe teritoriul României // SCIVA, 32, 1. P. 3-19.
- Boroneanț V. 1979. Considerații asupra istoriei străvechi a județului Arad în lumina cercetărilor de la Conop, Cladova, Ziridava. XI. P.109-116.
- Boroneanț V. 1991. L'Acheuléen supérieur de Cladova (Roumanie) et la question du Paléolithique quartzitique // Anthropologie, XXIX, 1-2. Brno. P.29-43.
- Breuil H. 1925. Stations paléolithiques en Transylvanie // Bull.Sciet.de Ştiințe. Cluj, II. 1924-1925. P.193-217.
- Breuil H. 1925. Notes de voyage paléolithique en Europe Centrale // L'Antropologie, XXXIII. P.323-346.
- Cârциумару M. 1973. Câteva aspecte privind oscilațiile climatului din Pleistocenul superior în sud-vestul Transilvaniei // SCIV, 24, 2. P.179-201.
- Cârциумару M. 1974. Condițiile climatice din timpul sedimentării depozitelor pleistocene din peștera Hoților de la Băile Herculane // SCIVA, 25, 3. P.351-356.
- Cârциумару M. 1975. Paysage paléophytogéographique, variations du climat et géochronologie du Paléolithique moyen et supérieur de Roumanie (Etude palynologique) // Dacia, N.S., 5. P.5-19.
- Cârциумару M. La relation homme-environnement élément important de la dynamique de la société humaine au cours du Paléolithique et de la l'Épipaléolithique sur le territoire de la Roumanie // Dacia, N.S., XXIX, 1-2. P.7-34.
- Cârциумару M. 1977. Contribuții palinologice la cunoașterea oscilațiilor climatice din Pleistocenul superior pe teritoriul României // St.cerc.Geol., seria Geografie, XXIX, 2. P.191-198.
- Cârциумару M. 1980. Mediul geografic în Pleistocenul superior și culturile paleolitice din România // Ed.Academiei Române, București.
- Cârциумару M. 1988. L'environnement et la cadre chronologique du Paléolithique moyen en Roumanie // L'Homme de Neandertal, vol.2. Liège. P.45-54.
- Cârциумару M. 1989. Contexte stratigraphique, paleoclimatique et géochronologique des civilisations du Paléolithique moyen et supérieur en Roumanie // L'Anthropologie (Paris), 93, 1. P.99-122.
- Cârциумару M., Ulrix-Closset M. 1994. Paléoenvironnement et l'adaptation culturelle des néandertaliens de la grotte Cioarei f Boroșteni (Roumanie) // Nature et Culture. Actes du Colloque de Liège. P.143-160.
- Cârциумару M., Glăvan M. 1975. Analiza polinică și granulometrică a sedimentelor din peștera Gura-Râșnov // SCIVA, 26, 1. P.9-16.
- Dumitrescu V., Bolomey Alex., Mogoşanu F. 1983. Escuse d'une préhistoire de la Roumanie // Ed.Ştiințifica și Enciclopedica, București.
- Gabori M. 1953. Solytreskaya Kul'tura Vengrii // Acta Arch. Hung. 3. P.1-68.
- Gabori M. 1976. Les civilisation du Paléolithique moyen entre les Alpes et l'Oural // Akademiai Kiado, Budapest
- Gabori-Csank V. 1968. La station du Paléolithique moyen d'Erd-Hongrie // Akademiai Kiado, Budapest.
- Gavela B. 1958. Le Paléolithique des régions balkaniques en Yougoslavie, Bericht über den V // Internationalen Kongress für Vor-und-Frühgeschichte. Hamburg. P.315-331.
- Junbert B. 1977. Câteva considerații privind unele forme de unelte bifaciale paleolitice // Acta Musei Napocensis, XIV. Cluj-Napoca. P.1-11.
- Malasz J. 1934. A solutréen első biztas mégallapítása Erdélyben // Dolgozatok-Szeged, 9-10. P.3-15.
- Mogoşanu F. 1978. Paleoliticul din Banat // Ed.Academiei Române. București.
- Moroşan N.N. 1938. Le pléistocène et le Paléolithique de la Roumanie du Nord-Est // Anuarul Inst. Geol. Al Rom, vol. XIX. București.
- Nicolăescu-Plopşor C.S. 1953. Date preliminare asupra rezultatelor paleoantropologice de la peștera Muierilor – Baia de Fier // SCIV, III, 1-2. P.195-207.
- Nicolăescu-Plopşor C.S. 1956. Rezultatele principale ale cercetărilor paleolitice în ultimii patru ani în R.P.R. // SCIV, VII, 1-2. P.7-35.
- Nicolăescu-Plopşor C.S. 1957. Le Paléolithique dans la R.P.Roumaine à la lumière des dernières recherches // Dacia, N.S., I. P.41-60.
- Nicolăescu-Plopşor C.S., Comşa E., Nicolăescu-Plopşor D.C., Bolomey Al. 1957. Şantierul arheologic Baia de Fier // Materiale, III. P.13-26.
- Nicolăescu-Plopşor C.S., Gheorghiu Al., Haas N., Maximilian C., Nicolăescu-Plopşor D., Papazoglakis M., Comşa E. 1955. Şantierul arheologic Cerna-Olt // SCIV, VI, 1-2. P.129-146.
- Nicolăescu-Plopşor C.S., Haas N., Păunescu Al., Bolomey Al. 1957. Şantierul arheologic Ohaba Ponor // Materiale, III. P.41-48.
- Nicolăescu-Plopşor C.S., Mateescu C.N. 1955. Şantierul arheologic Cerna-Olt // SCIV, VI, 3-4. P.391-407.

- Nicolăescu-Plopșor C.S., Păunescu Al., Bolomey Alex. 1957. Șantierul arheologic Nandru // Materiale, III. P.29-39.
- Nicolăescu-Plopșor C.S., Păunescu Al. 1959. Raport preliminar asupra cercetărilor paleolitice din anul 1959 // Materiale, V. P.22-29.
- Nicolăescu-Plopșor C.S., Păunescu Al., Pop I. 1962. Săpăturile din peștera Gura Cheii-Râșnov // Materiale, VIII. P.113-118.
- Păunescu Al. 1970. Evoluția uneltelor și armelor de piatra cioplite descoperite pe teritoriul României. Ed. Academiei Române, București.
- Păunescu Al. 1980. Evoluția istorică pe teritoriul României din paleolitic până la începutul neoliticului // SCIVA, 31, 4. P.519-545.
- Păunescu Al. 1991. Paleoliticul din peștera Gura Cheii-Râșnov și unele considerații privind cronologia locuirilor paleolitice din sud-estul Transilvaniei // SCIVA, 42, 1-2. P.5-20.
- Păunescu Al. 1993. Ripiceni-Izvor. Paleolitic și mezolitic // Ed.Academiei Române, București.
- Roșca M. 1912. A diluvialis ember nyomai a Csoklovinai Cholnokybarlangban // Dolgozotok-Cluj, III. P.201-249.
- Roșca M. 1924. Paleoliticul județului Hunedoara // Publicațiile Muzeului Județean Hunedoara, Deva, 1-2. P.11-15.
- Roșca M. 1925. Recherches sur le paléolithique en Transylvanie // Bull. Soc. De Științe. Cluj. Tom II, 2 éme partie. P.183-192.
- Roșca M. 1927. Le Solutréen en Transylvanie // Bull. Soc. De Științe.
- Roșca M. 1933. Recherches paléolithiques en Transylvanie 1927 // Dacia, III-IV, 1927-1932. P.8-23.
- Zotz L. Kösten ein Werkplatz des Praesolutréen in Oberfranken // Quarter Bibliothek, 3. Bonn.